

Иван Алексеевич Бунин

Шеол
(Тень птицы #7)

Содержание

#1	0005
Комментарии	0012

Иван Алексеевич Бунин
7. ШЕОЛ
(Из цикла «Тень птицы»)

В сумерки, проходя по базару в Яффе, я нечаянно поднял глаза и увидел тонкий серп луны. Закрывались в полумраке рядов лавочки, проносили от фонтана последние кувшины. Собаки, горбясь и сливаясь с темнотой внизу, подбирали остатки торго. Неожиданно дошла откуда-то нежная сладость цветущего дерева. Я поднял глаза и увидел в легком и прозрачном небе вихор пальмы, а над ним — острый, чистый, тонкий «лук Астарты».

На берегу, под городской стеной, тянуло теплым ветром с неоглядной мелкой зыби взморья. Чуть видные, мягко и красиво намазанные сизой мутью облака терялись на закате... «Сумерки, море, угол ханаанско-аравийских берегов...» — подумал я. Над стеной, в старом каменном домишке, зияет черная оконная дыра без стекол. Слышно, как там, в камерке без огня, укладываются спать и, плача, ссорятся дети. На западе, над лиловой тьмой моря, склоняется покрасневший, меркнувший и теряющийся в небе полумесяц. И так пустынно сумерки над гаванью бесследно исчезнувшего с лица земли Ханаана, так все просто и бедно вокруг, точно я один в ми-

ре, у его безлюдного начала...

На другой день я покинул Яффу. Убирали трапы, вечерело. Жаркое солнце склонялось к золотому морю. Рейд стоял как зеркало, рифы обнажились, отдыхали, белые чайки, плававшие над кормой, казались огромными. В упор освещенная Яффа, громоздясь на холме перед нами, переливалась зеркальным отражением воды и вся была цвета банана. Задрожала, поворачиваясь, корма, забурлил винт — и Яффа тронулась. Но я не спускал с нее глаз до тех пор, пока она, все отдаляясь, не слилась, наконец, с песками на юге, фиолетовыми от голубой дымки воздуха и опускающегося солнца.

А потом я смотрел на Саронскую долину, вдоль которой мы шли на север. Все смутней и печальней становилась долина. Солнце погасло, и вода у берегов стала тяжелой, кубовой. Одиноким, затерянным казалось какое-то селенье, далеко-далеко белевшее в сини равнины. Я смотрел и дивился безлюдности этого побережья. Вон где-то там, в устьях мелких рек, бегущих от Кармила, лежала Кесария. Некогда это был славный порт и город Ирода; теперь только пески, камни и

колючий кустарник... И так — по всему побережью.

С вечера было тепло и ясно. Палуба, испещренная легкими тенями снастей, блестела. В вышине, сквозь снасти, тепло сиял полумесяц. Но близился Ливан. На ночь я открыл в каюте иллюминатор — и после полуночи проснулся: стало прохладно, по темной каюте ходил сильный влажный ветер. Я заглянул в иллюминатор: и там была серая темь. Пахло морем. Ливан дышал мглой. Во мгле, как на краю земли, висели два мутных маячных огня. Дальний был красноватый. Я подумал: это Тир или Сидон. И мне стало жутко.

За Кесарией — следы Египта и Финикии. Во времена служения Астарте на месте Кесарии был какой-то большой ханаанский город, упоминаемый в надгробном заклятии царя Эзмунацара. Ранее, во времена поклонения «богу всепожирающего времени», крокодилу, был египетский Крокодилопос. И в песках, затянувших останки этих городов, и теперь еще находят разбитые сиениты, погребальные колодцы крокодилов...

В полночь мы прошли Кармил, горный

мыс Ваала Громовержца. С Кармила иудейские пророки метали самые ярые проклятия язычеству. На Кармиле, в одной из пещер троглодитов, жил Илиа, лютейший враг Ваала. Но жизнь на Кармиле, бывшем ипостасью Ваала, не прошла для Илии даром. Тысячи преданий слили его образ с образом солнечного бога: Илиа был питаем вранами, повелевал громами и бурями, низводил огонь и дождь с неба, превращал в камни растения, заживо, как истый сын Солнца, вознесся к нему на пламенной колеснице. И все это сделал Кармил, на котором не было даже капищ, — только каменные жертвенники, — Кармил, у подошвы которого Лемех убил одичавшего Каина, приняв его за зверя. Необозримое море, с трех сторон лежащее под Кармилом, бушует круглый год. И богослужения в монастыре кармелитов, стоящем теперь на Кармиле, принимают порой жуткое величие древних языческих богослужений. «Море заглушало голоса поющих и орган, — говорит один паломник.

— Над горою стоял непрерывающийся гул — глас Божий, потрясающий пустыню и

приводящий в содрогание горы...»

Качало у Кармила и нынче. Засыпая, я чувствовал, как темная каюта опускается и поднимается, слышал скрип переборок. Теперь было тихо. Кармил был уже далеко. Ровно, с однообразным плеском бежала вода вдоль борта погруженного в сон и тьму парохода. Мы шли уже мимо «блудилищных гротов Астарты[1]» и погребальных спэосов, мимо каменисто-песчаной полосы под волнистыми отрогами и скатами Ливана, — мимо самого Шеола, этого сплошного некрополя между Тиром и Сидоном[2]. Когда-то от Тира до Сидона «можно было пройти под землю — по гробовым пещерам и колодцам». И как дерзко мешались когда-то с ними «гроты» Астарты! Ее поклонники и поклонницы чертили мистический знак треугольника даже на стенах спэосов. А Тир? Разве думал он о смерти, — он, «Сын Солнца и Моря, рожденный в веках баснословных, превзошедший все народы жаждой жизни, алкавший земель всего мира»?

И все же победила — смерть. «Тир, умолкший среди моря! Кую мзду приобрел ты от

него? Сия глаголет Адонаи-Господь: се аз на
тя, Сур, и приведу на ты языки многи, яко же
восходит море волнами своими...» Ужасные
слова! Но есть еще ужаснее: «Вот я приведу на
тебя, Тир, лютейших из народов, и они обна-
жат мечи свои против красы твоей... Сделаю
тебя городом опустелым, подобно городам
необитаемым, когда подниму на тебя пучи-
ну... Низведу тебя с отходящими в могилу, к
народу, давно бывшему, и помещу тебя в пре-
исподних земли... Ибо вознеслось сердце твое
и сказало: аз есмь Бог!»

«Аз есмь Бог...» Библейские пророки до по-
трясающей высоты вознесли проклятия
слишком «вознесшейся» жизни. И по слову
их и вышло: тиро-сидонский берег, столь
щедро оплодотворяемый Богиней Жизни, дал
начало образу Шеола — преисподней. Его по-
гребальные камеры и колодцы, перемешан-
ные с гротами страсти, получили страшные
названия «сетей смерти», «колодцев гибели».
И «простерся страх смертный над радостной
страной Ваала-Солнца». Это ведь он, этот
страх, внушил царю Эзмунацару мольбу его
скорби и беззащитности:

«В месяц дождей, в год четырнадцатый царствования... Поражен, пленен я, наследник дней героев, сошел в ад, сын бога смерти... Заклятие мое перед всем царством и всем человечеством: да не вскрывает никто входа моего, не сдвигает гробницы моей, не оскорбляет меня внесением другого гроба!»

Бог ли человек? Или «сын бога смерти»?
На это ответил сын Божий.

1909

Комментарии

Рассказ впервые напечатан в сборнике И. А. Бунина «Тень птицы», Париж, 1931.

Примечания

1

Астарта (Истара, Иштар) — богиня древних вавилонян, олицетворение звезды Венеры. Ее культ носил сладострастный характер. Об ней у Бунина есть стихотворение «Истара».

[^^^]

2

Города-государства древних финикийцев (современные Сур и Сайда).

[^^^]